

№ 2), а также к срубной культурно-исторической общности развитого этапа поздней бронзы (погребения №№ 3-4 в кургане № 3). Самым поздним погребальным комплексом в некрополе «Западный-III» является воинское захоронение, датируемое средним этапом скифской культуры раннего железного века (погребение № 1 кургана № 2).

Все погребения совершены в период с середины III тыс. до н.э. по IV – III вв. до н.э. Весьма вероятно их историческая связь с поселениями эпохи бронзы и раннего железа, известными науке на территории Таганрога.

В 2011–2012 гг. П. С. Качевским и Е. В. Ромашенко проводились разведочные изыскания на некрополе «Западный-II», подтвердившие и уточнившие имевшиеся сведения о данном объекте [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ларенок, П. А. Археологические памятники на территории г. Таганрога // Архив Таганрогского музея-заповедника им. А. П. Чехова. Фонд «Археологические памятники», оп. 1, д. № 94.
2. Качевский, П. С. Организация археологической деятельности студентов исторического факультета Таганрогского педагогического института / П. С. Качевский, В. А. Селюнин // Организация деятельности учащейся молодежи в деле изучения, использования и охраны историко-культурного наследия. – Ростов н/Д., 2011. – С. 73–77.
3. Результаты научно-исследовательской работы лаборатории археологии и палеонтологии исторического факультета ТГПИ / П. С. Качевский и др. // Вестник ТГПИ. – 2011. – № 2. – С. 268–272.
4. Археологические исследования исторического факультета Таганрогского педагогического института в 2011 году / П. С. Качевский, М. И. Гуров, В. П. Литвиненко // Приложение к 14-му выпуску Международного научного альманаха. – Таганрог; Актюбинск, 2011. – С. 165–168.
5. Качевский, П. С. Охранные исследования курганов в Таганроге в 2010–2012 гг. / П. С. Качевский, Е. В. Ромашенко // Молодой ученый: мат-лы Международ. науч. конф. «История и археология», ноябрь 2012 г. – СПб., 2012. – С. 65–68.
6. Качевский, П. С. Отчет об археологической разведке курганного могильника «Западный-II» в 2011–2012 гг. / П. С. Качевский. – Таганрог, 2013. – 28 с.

УДК 94
ББК 63

С. П. Петренко

ИСТОРИЯ ПРУССИИ: СТЕРЕОТИПЫ И ФАКТЫ

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку выяснить, какие из широко распространенных в литературе и общественном сознании стереотипных взглядов на Пруссию соответствуют исторической истине, а какие – не более чем популярные мифы.

Ключевые слова: Пруссия, Германия, Гогенцоллерны, Фридрих II, государство, мифы, легенды, факты.

S. P. Petrenko

HISTORY OF PRUSSIA: STEREOTYPES AND FACTS

Abstract. This article is an effort to clear up which of widely spread in literary fiction and public opinion stereotypes about Prussia correlate with the historic truth and which are not more than popular myths.

Key words: Prussia, Germany, Hohenzollerns, Frederick II, state, myth, legend, facts.

Одной из наиболее существенных особенностей исторического развития Германии в Новое время считается отсутствие ее политического единства. На протяжении более чем двух столетий – от Вестфальского мира до бисмарковских войн за объединение Германии – эта страна дробилась сначала на сотни, а позднее уже «только» на десятки государств, которые с известной долей условности можно разделить на три группы: крупные державы (Австрия и, примерно с 1740 г., Пруссия), несколько княжеств среднего масштаба (Саксония, Бавария, Ганновер и некоторые другие) и, наконец, массу мелких и мельчайших государственных образований (крохотные княжества и графства, вольные города и т.п.). Причем состав каждой группы не оставался в интересующий нас период неизменным. Некоторые государства вообще исчезли с политической карты Германии, оказавшись поглощенными более мощными соседями, другие – либо перешли из второй группы в третью (или наоборот), либо переместились вверх или вниз в пределах своей, так сказать, «лиги». Например, «рейтинг» Саксонии за указанный выше отрезок времени заметно понизился, особенно после утраты ею в 1815 г. почти половины своей территории, а Бавария, напротив, явно набрала

политический и иной вес, сделавшись по окончании наполеоновских войн третьим, после Австрии и Пруссии, немецким государством. Но только Пруссия смогла, заняв предварительно первое место в категории средних государств, перейти в «высшую лигу» и в конечном итоге, выиграв длившееся более ста лет противостояние с империей Габсбургов, объединить под своей эгидой Германию.

Неудивительно, что именно эта держава внесла наибольший вклад в формирование общегерманских традиций нового и новейшего времени, традиций, связанных с самыми разными сферами общественной жизни «Страны тевтонов». Данное утверждение относится, прежде всего, к национальной символике сплотившейся вокруг монархии Гогенцоллернов Германии: в основе черно-бело-красного флага возникшего в 1867 г. Северогерманского союза и образованной несколько позднее Германской империи лежали прусские черно-белые цвета, к которым была добавлена красная полоса (этот цвет часто встречался на флагах других немецких государств), помещенная, кстати сказать, под цветами Пруссии в самом низу германского триколора, а в качестве общенационального гимна с 1871 г. стала в ситуациях протокольной необходимости (поскольку официального песенно-музыкального символа кайзеровская Германия не имела) использоваться прусская монархическо-патриотическая песня («*Heil dir im Siegerkranz*» – «Слава тебе в венце победителя»). Даже сама дата провозглашения Германской империи – 18 января 1871 г. – должна была служить напоминанием о сугубо прусском историческом событии 170-летней давности – возведении 18 января 1701 г. династии Гогенцоллернов в королевское достоинство. Однако сказанное справедливо и в отношении целого ряда более «прозаических» вещей: традиции Пруссии в сфере государственного устройства и функционировании администрации нашли определенное отражение в соответствующих областях общественно-политической жизни Германии (в первую очередь, конечно, кайзеровского периода, но отчасти и последующих эпох); военные традиции Пруссии стали со временем общегерманскими (военная форма, весьма своеобразный строевой шаг, именуемый иногда «гусиным», особая система подготовки и призыва резервистов, известная под названиями «ландвер» и «ландштурм», и т.д., и т.д.). То, что со времен Бисмарка Берлин играет роль столицы Германии, тоже дань чисто прусской, а не общегерманской традиции – ведь и по своему географическому положению (Берлин и раньше-то находился не в центре страны, а после 1945 г. и вовсе оказался чуть ли не пограничным городом), и по своему историческому прошлому (до 1867 г. главный город Пруссии никогда не был местом пребывания каких-либо общегерманских учреждений) на столичный статус в современной Германии теоретически могли бы претендовать и другие города. Например, Франкфурт-на-Майне – в позднее средневековье и раннее новое время место избрания и коронации императора Священной Римской империи германской нации, в 1815 – 1866 гг. место заседания сейма Германского союза, а в 1848–1849 гг. – первого в истории данной страны парламента современного типа. Но сила прусской традиции перевесила любые доводы от географии и истории.

Столь значительная роль Пруссии в истории Германии (да и Европы в целом) обусловила по меньшей мере два серьезных последствия в плане ее (Пруссии) исторического изучения. Во-первых, история этого немецкого государства всегда вызывала и вызывает сейчас особый интерес и у профессиональных исследователей, и у широкой общественности. Прежде всего, конечно, в самой Германии. Немецкие историки – со времен Бисмарка и до настоящего времени – уделяли Пруссии гораздо больше внимания, чем Саксонии или, скажем, Баварии. Даже в бывшей ГДР, государстве, основанном на весьма далекой от прусских традиций идеологии, историки-марксисты изучали, хотя и в жестких рамках определенной концепции, феномен Пруссии как одну из важнейших страниц прошлого своей страны. Во-вторых, особое место Пруссии в истории Германии XVIII – XIX вв. сыграло в следующем столетии злую шутку с самой Пруссией, отразившись далеко не лучшим образом на формировании ее «имиджа» в исторической литературе. Поскольку в двух мировых войнах «Страна тевтонов» нанесла немало обид многим народам, в Европе получают известное распространение антигерманские настроения, которые, естественно, были в значительной мере перенесены на Пруссию как на своего рода «становой хребет» всего государства. Подобное отношение к ней проявилось и в публицистике, и в общественном мнении ряда стран, и даже в официальных постановлениях держав-победительниц, которые в 1947 г. (специальным актом от 25 февраля) декларировали уничтожение прусского государства как оплота милитаризма и реакции [2, 681]. Такой «честь» не была удостоена больше ни одна из многочисленных земель Германии. Можно сказать, что в известном смысле Пруссия поплатилась за прегрешения всей страны в XX в., поплатилась в том числе и своим образом в исторической литературе. Причем в данном случае имеется в виду уже преимущественно не немецкая (хотя и она тоже), а иностранная (по отношению к Германии) литература, в особенности – наша российская. Именно в прусской истории стали искать истоки если не всех, то многих темных сторон исторического развития Германии в новое и новейшее время. В отечественной историографии, прежде относившейся к Пруссии, как и вообще к Германии, в целом достаточно лояльно, подобный сдвиг намечается уже в годы первой мировой войны. В качестве примера можно привести пару фраз из учебника известного русского историка Р. Ю. Виппера «История Нового времени», третье, значительно перерабо-

танное, издание которого вышло в 1918 г. В главе «Пруссия в XVII – XVIII вв.» сказано в частности, что это государство, в котором «война составляла национальную индустрию», вело в указанный период «дипломатию и войны хищника без традиций, пользующегося союзниками, где только удобно» [1, 253, 250]. Другие европейские страны, поведение которых на международной арене тоже было далеко не безукоризненным, столь резких эпитетов от автора все же не получили. В советский период, особенно в военные и послевоенные годы, отношение отечественных историков к Пруссии по понятным причинам стало еще более отрицательным. Пруссия характеризовалась как «военно-колонизаторское государство, оплот реакции и милитаризма в Германии» [2, 677]. Об этой державе наши авторы говорили в явно недоброжелательном тоне практически всегда, даже при описании наполеоновских войн, в которых Пруссия не раз была союзницей России. Так, А. З. Манфред в своей знаменитой работе «Наполеон Бонапарт» не без тени злорадства отмечал, что в 1807 г. в Тильзите «выпить до дна чашу унижений... пришлось лишь Пруссии Гогенцоллернов» [4, 514], не высказав даже легкого осуждения в адрес Александра I, заключившего с Наполеоном мир, по которому Россия, пусть и не по своей инициативе, получила часть территории своего теперь уже бывшего союзника (Белостокский округ).

В результате в нашей (отчасти и в зарубежной тоже) исторической науке сложился комплекс негативных стереотипных представлений о монархии Гогенцоллернов XVII – XIX вв., который можно условно назвать черной легендой Пруссии. (Попутно заметим, что и в европейской, в том числе немецкой, историографии очень часто при рассмотрении прусской истории используются такие понятия как «легенда» и даже «миф»; иногда они прямо включены в названия исторических работ [10; 16], иногда – в наименования отдельных глав, и практически всегда присутствуют в самом тексте [9]. Другое дело, что в западных изданиях они, как мы увидим далее, не столь одноцветны.) Черная легенда Пруссии даже получила определенное терминологическое оформление. Для обозначения всех отрицательных моментов в историческом развитии этого государства было введено особое понятие – «пруссачество». «Пруссачество – реакционные, милитаристские традиции господствующих классов Пруссии, а после 1871 – объединенной вокруг нее Германии; в исторической литературе под пруссачеством часто подразумевают также реакционный милитаристский полицейско-бюрократический режим в Пруссии и германской империи» [3, 676]. Этот своеобразный научный (или, если угодно, околонучный) термин, «официально» закрепленный у нас в стране публикацией в многотомной Советской исторической энциклопедии специальной статьи «пруссачество» (только что процитированной нами) и аналогичных статей в других энциклопедических изданиях времен СССР вовсе не является «изобретением» отечественных историков. Немецкие историки тоже используют, правда, не очень часто и в менее жесткой трактовке, данное понятие (нем. «Preussentum» – например, [10, 48–49; 17, 83, 117]). В обобщенном и несколько схематизированном виде черная легенда сводится к следующим пунктам.

1. Крайне агрессивная внешняя политика правителей Пруссии, веками направленная на захваты соседних земель, результатом которой явилось увеличение их владений, примерно за полтора столетия, в несколько раз. К тому же агрессивность у Гогенцоллернов сочеталась еще и с вероломством. В качестве примера последнего обычно приводят поведение «великого курфюрста» Фридриха Вильгельма в период Северной войны 1655–1660 гг., который вначале был на стороне Швеции, воевавшей против Польши и Дании, а потом перевернулся в противоположный лагерь, сумев получить политическую выгоду и от одного союза, и от другого.

2. Второй момент, тесно связанный с предыдущим, – милитаризм, проявлением которого считается прежде всего содержание громадной по численности армии. Армии, столь непомерно большой для державы сравнительно скромных размеров, каковой была на протяжении XVII и почти всего XVIII столетий Пруссия, что некоторые современники иронично говорили о ней: «Это не государство с армией, а армия, имеющая свое собственное государство» [9, 81]. Плюс малоприятные военные традиции: палочная дисциплина, склонность к парадомании и т.д. Армия всегда была предметом особой заботы прусских монархов, которая нередко принимала несколько странные, если не сказать карикатурные, формы. Так, в 1717 г. «солдатский король» Фридрих Вильгельм, получив соответствующее предложение от саксонского курфюрста Фридриха Августа I, что называется, «махнул не глядя» доставшуюся ему от отца, более утонченного Фридриха I, уникальную коллекцию китайского фарфора на драгунский полк полного состава. Этот полк в дальнейшем будет известен под весьма экзотическим названием – «фарфоровые драгуны» [5, 84–85]. Сам король был первым монархом, который постоянно носил военную форму, а к концу его правления в Берлине, насчитывавшем тогда максимум 90 тысяч жителей, было расквартировано около 20 тысяч солдат, для строевой подготовке которых использовались все главные площади прусской столицы [16, 49, 73]. Неудивительно, что влияние армии «ощущалось и за пределами казарм: чувство долга, дисциплина и послушание стали основополагающими принципами всей страны. Они почитались повсюду: на работе, в семье или в школе» [9, 81]. Вот почему в XVIII веке Пруссию нередко называли «Спартой Севера» [16, 49].

3. Отсюда такие особенности Пруссии, как бюрократизм, казенный дух, мелочная регламентация «всего и вся», которые вместе с самодурством отдельных ее монархов дали немецкому историку С. Хаффнеру основание считать державу Гогенцоллернов (во всяком случае, на определенном этапе ее развития) «государством грубого рассудка» («*der rauhe Vernunftstaat*» [10, 55].

К этим пунктам «обвинения», часто встречающимся в работах зарубежных авторов, следует добавить еще и популярный в отечественной историографии XX века тезис о некой извечной враждебности Пруссии в отношении нашей страны. В действительности же Россия и Пруссия по сути воевали друг против друга только один раз – в Семилетнюю войну. Позднее, в конце XVIII столетия и на протяжении большей части XIX века держава Гогенцоллернов выступала – и на полях сражений, и в дипломатических баталиях – чаще всего как союзник Российской империи. В частности так было в период наполеоновских войн. В Таганрогском краеведческом музее хранится экспонат, который может служить наглядным (хотя и косвенным) подтверждением боевого братства русских и прусских кавалеристов в кампанию 1813–1814 гг. Это изготовленный в середине 60-х гг. XIX века в Золингене (в то время один из индустриальных центров Пруссии) палаш, который в точности воспроизводит форму и размеры аналогичного оружия русских кирасир времен Отечественной войны 1812 г. Появление клинков русского образца в армии дружественного нам тогда государства связано с широким жестом императора Александра I, по распоряжению которого «в июле 1819 г. князь Волконский... передал прусским военным властям по две тысячи кирасирских шлемов и палашей» [13, 122]. Русские шлемы пруссакам, по-видимому, не очень понравились, а вот палаша, к тому времени уже хорошо зарекомендовавшие себя на полях сражений, «в знак тесного политического и военного сотрудничества с Россией были взяты на вооружение нескольких кирасирских полков» [13, 122] и использовались в прусской кавалерии по меньшей мере в течение полстолетия. Поэтому утверждение о постоянном или хотя бы длительном пребывании Пруссии в рядах врагов России не выдерживает никакой критики.

Что же касается других «пунктов обвинения», то они в принципе основаны на реальных исторических фактах, иногда преувеличенных, иногда пристрастно истолкованных, но все-таки фактах. Начнем с наиболее популярного тезиса о милитаристском характере прусского государства. Пруссия действительно содержала большую армию, численность которой, разумеется, со временем существенно менялась, но всегда оставалась непропорциональной количеству жителей страны. Так, при вступлении на престол Фридриха II ее вооруженные силы являлись четвертой по величине армией Европы (большее число солдат держали под ружьем только Франция, Австрия и Россия) при том, что по территории держава Гогенцоллернов была на десятом месте среди европейских стран, а по населению даже на тринадцатом [11, 51]. В абсолютных цифрах это выглядит следующим образом: 80-тысячная армия на 2,25 млн. жителей (в 1713 г. 40 тысяч солдат на 1,65 млн., в 1786 г. 195 тысяч на 5,8 млн. – пропорции, как мы видим, менялись незначительно). На ее содержание ежегодно уходило почти 80 % бюджета государства [11, 51]. Однако историки, как правило, забывают указать, сколько выделяли на военные расходы другие крупные европейские страны. Для сравнения – Австрия тратила на вооруженные силы до 50 % своего бюджета, а Франция – до 60 % [16, 50]. Иначе говоря, расходы Пруссии на содержание армии были, конечно, большими, чем в остальных государствах той эпохи, но все-таки не столь запредельными, как может показаться на первый взгляд.

Примерно так же обстоит дело и с утверждениями об особой агрессивности Пруссии и вероломстве ее правителей. Безусловно, и первое, и второе имели место, но в количествах не превышающих, или, во всяком случае, незначительно превышающих, «среднеевропейские показатели» той эпохи. Достаточно вспомнить крайне активную и агрессивную внешнюю политику Франции на протяжении почти всего XVII века, в частности захват Людовиком XIV в мирное время, без объявления войны Священной Римской империи германской нации Страсбурга и присоединение этого немецкого города к своему королевству (в XIX веке немецкие историки все войны «короля-солнца» называли «разбойничьими»).

Таким образом, упоминаемые в работах многих авторов реальные факты подтверждают, хотя бы отчасти, ряд положений черной легенды, которая, однако, коренится не только в самой истории Пруссии XVII – XIX вв., но и в относительно недавнем прошлом Германии и всей Европы.

Комплекс негативных представлений о Пруссии приобрел в странах Запада особую популярность в годы второй мировой войны. «Сердце Германии бьется в Пруссии» говорил Черчилль, выступая в британском парламенте 21 сентября 1943 г.: «Здесь лежит корень той болезни, которая постоянно прорывается вновь и вновь» [8, 9]. (Этот хронический недуг, как мы уже знаем, был радикально «излечен» в 1947 г. постановлением «консилиума» из четырех «врачей»-победителей.) В послевоенный период представление о Пруссии как об «источнике всех бед» [7, 11] приобретает безусловное признание и в самой Германии. «Пруссия равняется Германской империи, равняется Гитлеру, равняется нацизму, равняется войне, равняется Освенциму» [17, 6]. Однако постепенно образ этого государства в глазах немцев меняется. В начале 80-х гг. даже появляется почти ажиотажный интерес к долгое время табуированной прусской теме. Причем по обе стороны берлинской

стены. Не только «боннская республика», но «и ГДР открыла неожиданно другую, лучшую Пруссию» [17, 6]. Это выразилось в частности в появлении ряда публикаций по истории Пруссии. Например, в 1983 г. был издан коллективный труд «Пруссия – легенда и действительность». Книга начинается следующей фразой: «Почему мы теперь более усиленно занимаемся историей Пруссии?» – так или несколько иначе звучит часто вопрос, на который историк, собственно говоря, мог бы удивленно ответить встречным вопросом: «А разве в предыдущие годы мы менее интенсивно занимались прусской историей?» (Хотя ранее восточногерманские историки действительно не слишком ею интересовались.) Так или иначе, теперь оказалось, что эта самая «другая» Пруссия не лишена многих привлекательных сторон, о которых прежде не принято было упоминать.

В исторической литературе появляется несколько идеализированный образ державы Гогенцоллернов, который можно условно назвать белой легендой Пруссии. Здесь она также наделяется целым рядом особенностей, отличающими ее – но теперь уже не в отрицательном, а положительном плане – от всех других существовавших в ту эпоху европейских государств. Попытаемся кратко сформулировать основные положения этой легенды.

Во-первых (и «в главных»), Пруссия предстает в ней как обладательница ряда элементов того, что мы сейчас называем правовым государством. В этой связи часто вспоминают слова Фридриха II: «Я – первый слуга моего государства». При всем несомненном политическом кокетстве этой фразы она на самом деле отражает определенные особенности прусской монархии, которая представляла собой, по мнению некоторых авторов, в известной степени противоположность классической французской модели абсолютизма [11, 45–46]. За пределами научной литературы такой взгляд нашел отражение в рассказе (исторически недостоверном) о мельнике и Фридрихе II. Шум жерновов мешал королю спокойно спать по ночам и он потребовал от мельника снести находившуюся недалеко от дворца мельницу, который в ответ напомнил Фридриху о том, что в Берлине есть судебная палата. Пораженный наивной верой своего подданного в силу королевского суда, «первый слуга» оставил простодушного мельника в покое [15, 59].

Во-вторых, прусская государственная машина представляла собой хорошо налаженный и отлично функционирующий механизм, состоящий из прекрасно подготовленных, исполнительных и честных (!) чиновников. Причем данное государство отличалось «от аналогичных своей полнейшей свободой от идеологии. Такие первичные добродетели, как вера, надежда, любовь, прибегались для Бога; государству хватало и добродетелей вторичных – прилежания, пунктуальности, храбрости» [6, 12].

В-третьих, Пруссия, как считается, отличалась, по крайней мере, в XVII – XVIII вв. своей религиозной толерантностью. В этой связи приводят известное высказывание Фридриха II о том, что в его государстве «каждый может спасти душу на свой манер» [10, 74; 17, 92]. Из практических деяний прусских королей обычно вспоминают приглашение в страну изгнанных из Франции в 1685 г. гугенотов. «Больше 20 тысяч гугенотов переселились... в страну... ставшую с тех пор оплотом терпимости, убежищем всех гонимых» [6, 23]. В последующие годы в Пруссии оседали вальденсы, меннониты, шотландские пресвитериане и др. [10, 78]. Однако следует отметить: и гугеноты, и другие протестанты были либо той же веры, что и Гогенцоллерны (исповедовавшие один из вариантов кальвинизма), либо относились к конфессиям, достаточно близким к ней. Иначе говоря, прусская толерантность редко выходила за рамки протестантизма.

В-четвертых, высокий уровень образования и культуры. Действительно, имеется немало подтверждений такого утверждения. Например, еще в 1717 г. было введено всеобщее обязательное начальное образование [17, 54], однако на практике оно было осуществлено лишь частично [7, 125].

Таким образом, ни одна из двух легенд не может быть признана полностью соответствующей исторической истине. Реальная Пруссия была слишком многоликой, чтобы ее можно описать только одной краской. Образно говоря, была Пруссия фельдфебеля, но была и Пруссия Канта. Недаром современные немецкие историки сравнивают это государство с двуликим Янусом и подчеркивают крайнюю противоречивость чувств, возникающих у их соотечественников при упоминании о Пруссии: у одних она ассоциируется с военной каской специфической островерхой формы («Pickelhaube» – символ прусского милитаризма), а у других – с дворцом Сан-Суси, просвещенным абсолютизмом, религиозной толерантностью, ответственным отношением к реформам [17, 6]. Пруссия – это смесь «просвещения и абсолютизма, прогресса и отсталости, цивилизации и варварства» [7, 18]. В подобном смешении столь противоположных начал, а также в слиянии Запада и Востока (разумеется, европейского Востока – «в Пруссии с ее территориями на Рейне, Эльбе, Одере, Висле и Немане сплавились воедино европейские структуры, западные и восточные» [14, 8]) и заключается главная особенность истории Пруссии, главная, но далеко не единственная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виппер, Р. Ю. История нового времени / Р. Ю. Виппер. – М.: ЧеРо, 1999. – 624 с.
2. Волина, Е. А. Пруссия // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – М.: Советская Энциклопедия, 1968. – Т. 11. – С. 677–683.

3. Гинцберг, Л. И. Пруссачество // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 11. – С. 676–677.
4. Манфред, А. З. Наполеон Бонапарт / А. З. Манфред. – М.: Мысль, 1972. – 724 с.
5. Ненахов, Ю. Ю. Железом и кровью: Войны Германии в XIX веке / Ю. Ю. Ненахов. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2002. – 656 с.
6. Фенор, В. Фридрих Вильгельм I / В. Фенор. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 382 с.
7. Burgdorff S., Pötzl N.F., Wiegrefe K. (Hrsg.) Preussen. Die unbekannte Grossmacht. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2009. – 320 s.
8. Clark C. Preussen. Aufstieg und Niedergang 1600 – 1947. – München: Pantheon, 2008. – 896 s.
9. Deick C., Kock H. Deutsche Geschichte. Vom Altertum bis zur Gegenwart. – Ravensburg: Buchverlag Otto Maier GmbH, 2001. – 160 s.
10. Haffner S. Preussen ohne Legende. – Hamburg: Verlag Grüner + Jahr Ag & Co, 3. Auflage, 1979. – 358 s.
11. Kroll F.-L. Die Hohenzollern. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2008. – 128 s.
12. Kroll F.-L. (Hrsg.) Preussens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2009. – 366 s.
13. Müller H., Kolling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen. Aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. – Berlin: Militärverlag des Deutschen Demokratischen Republik (VEB), 1981. – 448 s.
14. Neugebauer W. Die Geschichte Preussens. Von den Anfängen bis 1947. – München: Piper Verlag GmbH, 2011. – 160 s.
15. Potsdamer Schlösser in Geschichte und Kunst. – Leipzig: VEB F.A. Brockhaus Verlag, 1984. – 208 s.
16. Preussen – Legende und Wirklichkeit. – Berlin: Dietz Verlag, 1983. – 314 s.
17. Ribbe W., Rosenbauer H. Preussen. Chronik eines deutschen Staates. – 2. Auflage – Berlin: Nicolaische Verlagsgesellschaft Buchhandlung Beuermann GmbH, 2001. – 288 s.
18. Straub E. Eine kleine Geschichte Preussens. – Stuttgart: Klett-Gotta, 2011. – 192 s.
19. Wienfort M. Geschichte Preussens. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2008. – 128 s.

УДК 66
ББК 66.1(2P)53

В. К. Смирнова

«ПРОПАГАНДА ДЕЙСТВИЕМ» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО АНАРХИЗМА РУБЕЖА XIX – XX ВВ.

Аннотация. В статье представлен анализ проблемы обоснования и использования террора как средства революционной борьбы в теории и практике анархизма на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: анархизм, терроризм, государство, свобода, справедливость, революция.

V. K. Smirnova

«THE PROPAGANDA EFFECT» IN THE THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN ANARCHISM OF THE TURN OF THE 19th AND 20th CENTURIES

Abstract. The article presents the analysis of the problem of substantiation and the use of terror as a means of revolutionary struggle in the theory and practice of anarchism at the turn of XIX – XX centuries.

Key word: anarchism, the state, freedom, terrorism, justice, revolution.

Проблема выбора средств для достижения поставленных целей являлась одной из важнейших в русском освободительном движении. Пропаганда словом или пропаганда действием: оправдано ли использование насилия, и что в итоге подвигнет народ на революционную борьбу – вот вопросы, рассматривавшиеся не только в теоретических работах вождей различных направлений, но и на съездах и конференциях политических партий и движений.

При этом на практике революционные партии – одни открыто – как эсеры и анархисты¹ – использовали террор, другие – как РСДРП – официально отрицали его использование, но на местах также осуществляли акты «пропаганды действием».

Теоретики анархизма, несмотря на радикализм местных групп движения, отнюдь не все являлись апологетами террора. При этом теоретики как «старшего» поколения (П. Кропоткин), так и часть «младшего» (Я. Новомирский, Я. Боровой и др.) не ставили террор как средство на первое место в революционной борьбе.

¹ Применение понятия «партия» к анархистам в данном случае условно, так как сами они отрицали и отрицают партийную организацию, предполагающую централизацию управления и власть лидера.